

КОМПОЗИТОРЫ И СЮЗЕРЕНЫ

Моцарту — 240, «Сумбур» вместо музыки» — 60

Независимая газ. — 1996. — 26 янв. — С. 7

Вадим Журавлев

Судьба

МОЦАРТ и Шостакович. Имена этих музыкальных гениев связывает не только тот факт, что русский композитор родился на 150 лет позже великого зальцбургца. Оба они в тридцатилетнем возрасте испытали на себе немилость влиятельных сюзеренов. Что не прошло бесследно...

Прогуливаясь по летнему Зальцбургу, глядя на мириады моцартов, улыбающихся с бейсболок, зонтиков, конфетных коробок, невольно забываешь о том, что родной Зальцбург стал для композитора тюрьмой. Отношения художника и власти исследовались тысячи раз, и, рассуждая о них, не обойтись без троизмов. Но как не вспомнить архиепископа Иеронима — влиятельного сюзерена с графским титулом, ограничившего свободу подросткового вундеркинда-виртуоза. В 25 лет Моцарт отказывается на поступок сродни подвигу: покидая Зальцбург, он становится свободным художником. Надолго ли? Через шесть лет мытарств и неизвестности он причаливает ко двору Габсбургов. Но придворный театр кайзера Иосифа II с прохладой встречает и «Свадьбу Фигаро», и «Дон Жуана». До самой смерти Моцарта обнадеживает лишь успех его лучших опер в провинциальном Национальном театре в Праге. А «Волшебная флейта» увидит свет и вовсе на задворках блестящей Вены, в театре для бедноты. Меценат и просветитель Иосиф еще способен оценить талант нового композитора. Все же «Свадьба Фигаро», несмотря на запрет пьесы Бомарше (здесь стоит вспомнить также дипломатический талант либреттиста Моцарта Лоренцо Да Понте), шла в придворном театре, который сподобился даже заказать гению одну оперу — «Так поступают все женщины». Следующий моцартовский покровитель Леопольд II и вовсе сделал нищим императорского камерного музыканта, что приблизило кончину Моцарта куда больше мифического бокала с ядом Сальери. Если вспомнить, что и при дворе прусских монархов, на который композитор очень рассчитывал, ему было отказано в милости, то стоит ли удивляться тому, что Моцарт искал поддержки в масонском ордене, во многих своих операх («Митридат», «Луций Сулла», «Милосердие Тита») выводил на сцену добропорядочных и милосердных римских цезарей, а в «Волшебной флейте» и вовсе создал образ идеальной власти, средоточия мудрости и добродетели.

Через двести лет после смерти Моцарта уже никому не надо доказывать гениальность его сочинений. Моцарт прочно лидирует в репертуарах всех мировых музыкальных центров. Вот только в России всегда плохо обстояли дела с оперным наследием композитора: русская вокальная школа и оперная стилистика Моцарта — в вечном антагонизме.

Да что там Моцарт, если у наших театров напрочь отсутствует интерес к отечественной опере XX века.

Опальная опера Шостаковича

Вольфганг Амадей Моцарт.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

«Леди Макбет Мценского уезда», обогнавшая сегодня по популярности в мире даже «Бориса Годунова» Мусоргского, с трудом находит постановщиков на родине. Геростраты, сделавшие свое черное дело ровно 60 лет назад, могут радоваться. Передовая статья «Правды» «Сумбур вместо музыки» не только отбила охоту у композитора работать в оперном жанре, но и вычеркнула «Леди Макбет» из планов российских театров. Поэтому за 64 года, прошедших со времени ее создания, постановки этой оперы в России (в отличие от Запада) можно пересчитать по пальцам.

История столь популярного на Западе опуса Шостаковича началась радужно: в январе 34-го с разницей в 2 дня ее выпустили Малый оперный театр в Ленинграде (дирижер С.Самосуд, режиссер Н.Смолич, художник В.Дмитриев, партию Катерины исполняла А.Соколова) и еще не объединенный с оперной студией Станиславского Музыкальный театр им. В.И.Немировича-Данченко (руководитель постановки — сам патриарх МХТ, режиссер Б.Мординов, дирижер Г.Столяров, художник В.Дмитриев, в партии Катерины была занята А.Тулубьева). Через несколько месяцев — триумфальный успех в нью-йоркской «Метрополитен-опере» (дирижер Артур Радзинский), отмеченный присутствием Тосканини, Стоковского, Стравинского. Оперу ставят в филиале Большого театра. А в январе 36-го Сталин присутствует на гастролях ленинградцев, которые привезли в столицу «Леди Макбет» и «Тихий Дон» Дзержинского. Через два дня передовая «Правды» провозгласила образцом советской оперы «Тихий Дон», партитуру

26.01.96.

которой, кстати, сам Шостакович и рекомендовал театру (как тут не вспомнить про Сальери!). Оперу же Шостаковича обвинили во всех смертных грехах, начиная от формализма и кончая натурализмом, затем обсуждали в ленинградском отделении Союза композиторов (единогласно при одном воздержавшемся — Владимире Щербачеве — приняли соответствующую духу времени резолюцию), а во всех газетах появились статьи, стиль которых неоднократно воспроизводился в течение следующих тридцати лет («Мы оперы не слышали, но нам такая опера не нужна»). Потом подобные газетные «ату» испытывают на себе Ахматова, Пастернак, Зощенко, Бродский. Но Шостакович был первым. И этим все не закончилось.

Обсуждение «Леди Макбет» еще только набирало силу, а 6 февраля появилась еще одна статья в «Правде» — «Балетная фальшь», в которой Шостаковича громили за его балет «Светлый ручей» (постановка в Большом театре была осуществлена Федором Лопуховым). А еще через 12 лет — 10 февраля 48-го — вышло в свет ждановское постановление «Об опере В.Мурадели «Великая дружба», в которой Шостаковичу опять припомнили его оперу, и без того списанную в архив, а еще симфонии — Четвертую, Шестую, Восьмую и Девятую. В перерывах же между «правдинскими» разносами верховные меломаны страны не скупилась на ордена и премии для Шостаковича.

В 63-м «Леди Макбет Мценского уезда» вернулась на сцену. Правда, сюзерены времен Оттепели заставили композитора внести в партитуру и либретто изменения. И если музыка оперы не претерпела значительных перемен (Шостакович переделал лишь некоторые симфонические антракты и понизил тесситуру партий), то либретто, основанное на живой речи купеческого двора, было переписано высоким «штилем». Теперь и Сергей говорил языком Онегина («книжки иногда дают нам бездну пищи для ума и сердца»), из Катериных страданий напрочь исчезли упоминания «неприличных» частей женского тела (стан, грудь, губы), а Аксинья отбивается от мужиков со словами, достойными Татьяны Грениной («оставь меня!») вместо прежних «сволочь» и «паршивый черт»). И главная героиня новой (sic!) оперы под названием «Катерина Измайлова», потеряв демонизм и величие шекспировского прообраза, превратилась в мелкую купчиху. Таков был итог тридцатилетнего давления на композитора. Эта редакция и была растражирована в разных театрах, а музыковеды взахлеб писали о новом, более стройном и логичном решении композитора. Потом и вовсе в книгах про Шостаковича перестали упоминать о событиях 36-го: просто, вдохновленный справедливой критикой, взялся все переделать к лучшему. Да вот с заграницей проклятой как быть? Там вторую редакцию и близко к театрам не подпускают. А у нас только Мариинский театр, в мае поставивший «Катерину Измайлову», обещает летом показать и «Леди Макбет». На них вся надежда.